

ную, что после нее все почувствовали себя подкрепившимися и телом и духом. Вся компания слушала ее с большим вниманием, и все признали, что ни одно чтение не было столь полезно для них, как это. И услышав, что пробил последний удар колокола, звавшего к утренней мессе, все отправились в церковь и предались размышлениям о святых истинах, которые они только что слышали. Выслушав мессу и немного погуляв, все сели за стол и обещали друг другу, что день этот они постараются провести еще интереснее, чем предыдущие. А Сафредан сказал, что был бы рад, если бы мост строился еще целый месяц, до того хорошо проходит у них время. Но тамошний аббат торопил с окончанием работ; он вовсе не хотел, чтобы это благородное общество надолго оставалось в монастыре, ибо в присутствии гостей он стеснялся принимать паломниц, которые в обычное время довольно часто навещали в эту обитель. Когда же после обеда все отдохнули, компания вернулась к своему обычному времяпрепровождению. После того как все расселись на лужайке, Парламанту спросили, кому она предоставит слово.

– Мне кажется, – сказала она, – что Сафредан хорошо начнет сегодняшней день. По его лицу я вижу, что он не собирается заставить нас плакать.

– Благородные дамы, – сказал Сафредан, – вы будете очень жестоки, если не пожалеете францисканца, о котором я собираюсь сейчас говорить. Из историй, которые мы недавно слышали, вы могли заключить, что участницами их являлись бедные женщины, – и монахи, полагая, что с ними легко будет справиться, не испытывали ни малейшего страха. Но для того чтобы все знали, что ослепленные вожделением, люди эти действительно способны потерять и благоразумие и всякий страх, я расскажу вам одну историю, которая произошла во Фландрии.

Новелла сорок первая

В рождественский сочельник к одному францисканцу явилась молодая девушка, прося исповедать ее, и он наложил на нее такую необычную епитимью, что она отказалась выполнить ее и ушла, так и не получив отпущения грехов. Когда госпожа ее об этом узнала, она приказала высесть злонамеренного монаха у себя на кухне, а потом связать ему руки и ноги и отвезти к настоятелю монастыря.

В тот год, когда Маргарита Австрийская приезжала в Камбре³⁵² по поручению племянника своего, императора, чтобы заключить от его имени мир с Христианнейшим Королем, которого представляла его мать, Луиза Савойская, в свите Маргариты находилась графиня Эгмонт,³⁵³ которая слыла первой красавицей во всей Фландрии. После того как это важное поручение было выполнено, графиня Эгмонт направилась к себе домой, и когда наступил рождественский пост, послала во францисканский монастырь попросить, чтобы оттуда прислали к ней в замок опытного духовника, который мог бы прочесть проповеди и исповедовать ее самое и всех ее домочадцев.

Настоятель монастыря, который получал всегда от Эгмонтов и Фьеннов³⁵⁴ большие доходы, постарался выбрать для этой цели достойнейшего из монахов. И так как монастырь этот хотел, чтобы уважение и дружба знатных домов доставались ему, а не другим, в замок был послан самый способный проповедник; в течение всего поста он говорил отличные проповеди, и графиня была им очень довольна. В рождественскую ночь графиня захотела причаститься и послала за своим духовником. И после того как она исповедалась в часовне, которая была наглухо заперта, чтобы соблюсти полную тайну, – на исповедь пришла ее придворная дама, которая затем послала к почтенному духовнику и свою дочь. И когда девушка рассказала ему свою жизнь и святому отцу стали известны кое-какие ее секреты, он возымел желание наложить на нее не совсем обычную епитимью.

– Дочь моя, – сказал он, – грехи твои столь велики, что, для того чтобы получить отпущение

³⁵² Речь идет о так называемом «Дамском мире», заключенном в 1529 г. между Францией и империей Карла V. От имени Франции мир подписала Луиза Савойская, мать Франциска, а Карла V – его тетка, Маргарита Австрийская.

³⁵³ Графиня Эгмонт – Франсуаза Люксембургская, жена Иоанна IV, графа Эгмонта.

³⁵⁴ Фьенны – владения Люксембургского дома, к которому принадлежала и графиня Эгмонт.